

МИФ О ВЕЛИЧИИ ЭЛЕКТРИЧЕСТВА В РАМКАХ СОВЕТСКОЙ ТЕХНОКРАТИЧЕСКОЙ УТОПИИ: «ОГАС» АКАДЕМИКА ГЛУШКОВА

А.Д. Трахтенберг

**Трахтенберг Анна
Давидовна**
кандидат политических
наук, ведущий научный
сотрудник
института философии и
права УрОРАН

«Колоссально! - воскликнул
горбоносый. - Программист!
Нам нужен именно программист.
Слушайте, бросайте ваш институт,
и пошли к нам!»...
«А чем вы занимаетесь?» - спросил я.
«Как и вся наука, - сказал горбоносый.
- Счастьем человеческим».

А. Стругацкий, Б. Стругацкий
«Понедельник начинается в субботу», 1964 год¹

«Миф о Величии электричества» представляет собой комплекс дискурсивных практик, регулирующих пространство утопических ожиданий, связанных с появлением новых коммуникационных технологий.² Он находится в сфере метаполитики речи, задавая совокупность неявных и неартикулируемых критериев, которые придают той или иной технологии символический смысл и включают ее в культурный порядок.

Миф рождается в США в середине XIX века вместе с появлением электрического телеграфа и представляет собой очередное обоснование возможности альтернативной социальности. Электричество, таинственная и непостижимая сила природы, покоренная человеком, рассматривается не просто как техническое средство, с помощью которого можно преодолеть пространство и время, но как активное действующее начало, способное преобразовать иерархическое, атомизированное общество в сообщество равных субъектов, связанных не выгодой, а общими интересами. Миф о Величии электричества придает средствам электронной коммуникации одновременно трансцендентное значение и онтологический статус, причем таким образом, что «их социальные

следствия и риторическое значение исчезают из поля анализа, только для того, чтобы вновь появиться в мистифицированной форме латентной логики развития самой технологии».³

Уже внедрение телеграфа в повседневную жизнь породило буквально взрыв мифологической риторики. Начало ей положил сам «американский Леонардо» С.Морзе. В 1838 году, пытаясь убедить Конгресс США выделить средства на свою работу, С.Морзе сформулировал классическую метафору «электронного соседского сообщества», которую вслед за ним повторило множество пророков коммуникативной революции, включая М. МакЛюэна и А. Тоффлера. Телеграф как универсальное средство коммуникации одновременно знаменовал торжество над пространством и временем, победу духа над материей и приобщение человека к божественной власти и всемогуществу.

В дальнейшем в пространство этих утопических ожиданий оказывалась втянутым всякое новое изобретение в сфере электронных средств коммуникации. Естественно, по мере того, как эти средства усваивались повседневностью и растворялись в ней, они выпадали из фокуса общественного внимания, а потом вообще переставали тематизироваться. Однако это не означает, что надежды с помощью «Величия Электричества» превратить современное общество в универсальное сообщество также отмирали - миф о Величии электричества просто находил себе новый объект.

При этом он каждый раз определенным образом видоизменялся. Дж. Скоунс, проанализировав развитие этого мифа с момента изобретения телеграфа, показал, что каждое новое средство коммуникации порождало свою версию этого мифа,⁴ однако общая «мета-политика речи» об этих средствах коммуникации оказывалась весьма схожей. Рассуждения современных пророков электронной революции о виртуальной реальности и Интернете как зоне абсолютной свободы также вполне укладываются в логику этого мифа.⁵

Однако миф о Величии электричества, как и подобает комплексу дискурсивных практик, не только формировал пространство утопических ожиданий: он направлял развитие той самой технологии, латентную логику которой как будто бы стремился выразить. Так, Интернет не просто воплощает мечту об альтернативной социальности: он во многом родился в утопическом пространстве этой мечты.

Символический смысл Интернета задается

поисками альтернативной социальности и артикулируется в рамках мифа о Величии электричества. Можно предположить, что если соответствующая технология окажется в пространстве иной утопии, регулируемой иной метаполитикой речи, ее символический смысл и утилитарные приложения также окажутся радикально иными. Данный тезис можно проиллюстрировать историей создания (точнее, не-создания) в СССР Общегосударственной автоматизированной системы сбора и обработки информации для нужд учета, планирования и управления (ОГАС).

В современной литературе едва ли не общим местом стал тезис о том, что инициатор разработки ОГАС академик В.М. Глушков фактически предвосхитил появление Интернета, и только консерватизм Политбюро ЦК КПСС помешал реализации идеи на практике. Точно также разработанные под руководством В.М. Глушкова компьютеры серии МИР («машина для инженерных расчетов») считаются прямыми предшественниками персональных компьютеров: ««МИР-1» и особенно «МИР-2» с полным основанием могут называться первыми отечественными персональными компьютерами, единственное, чем они отличались – их размеры. Конечно, они были нетранспортабельны, зато в остальном это были самые настоящие ПК: «МИР-2» даже имел дисплей со световым карандашом (предшественник мышки)».⁶ Данное высказывание четко демонстрирует, как дискурс Интернета как носителя альтернативной социальности, являясь в современной культуре доминантным, подчиняет своей логике и феномены, изначально ему чуждые. В связи с чем автор искренне считает главным отличием МИРа от персональных компьютеров то, что в нем использовались транзисторы, а не микросхемы, что делало машину «нетранспортабельной».

Особенность общества, в котором формировалась система ОГАС, состояла в том, что это было общество, в котором технократическая утопия, одним из вариантов которой является миф о Величии электричества, была реифицирована, и воплощалась не столько в технических изобретениях, сколько в конкретных вещах. Не случайно в рамках советской утопии миф о Величии электричества делал упор не на коммуникации, а на производстве и потреблении

электроэнергии: отсюда культ ДнепроГЭСа (и последующих ГЭС и ГРЭС) и «лампочки Ильича». Электричество воспринималось прежде всего как воплощение полностью контролируемой мощи и силы. Оно не связывало, а сияло и преображало окружающий мир, превращая его из дикого в цивилизованный, и из отсталого – в современный.

Одновременно советское общество было обществом реализованной утопии, не предполагавшей наличия альтернативной социальности (во

всяком случае, в позитивном аспекте). Это постоянно порождало противоречие между пространством утопии и ее позитивным содержанием: «хотя по своему позитивному содержанию коммунистические режимы были банкротами, ... они в то же время открывали некоторое пространство, пространство утопических ожиданий, которое, между прочим, как раз и дало нам возможность заметить банкротство самого реального социализма».⁷ В.М. Глушков мыслил именно в этом зазоре, постоянно сталкиваясь с противоречием между реальными советскими управленческими практиками, основанными на непубличной конкуренции между различными бюрократическими кланами за доступ к ресурсам, и идеальной управленческой моделью, предполагающей отсутствие у субъектов и

объектов управления частных и/или корпоративных интересов.

В.М. Глушковым была предложена грандиозная программа (которую он сам сравнивал по стоимости с атомной или космической) создания системы взаимодействующих друг с другом вычислительных центров. Главной особенностью данной системы был жесткий иерархизм: «Информационная база ОГАС представляет собой многоступенчатую пирамиду, нижнюю ступень которой составляет информационная база первичных экономических ячеек, а верхнюю ступень – информационная база общегосударственных органов управления»⁸, а главной задачей – обеспечение полноты передаваемой информации по бюрократической цепочке. Внешне картина должна была выглядеть следующим образом: ««работники управленческого аппарата снабжаются терминальными устройствами со специальными экранами, называемыми дисплеями, который внешне напоминают собой телевизор со встроенной в него пишущей машинкой и телефонным

аппаратом. Каждое из таких устройств соединяется с информационно-вычислительным центром каналом связи, в качестве которого может быть использован обычный телефонный канал. При необходимости получения той или иной справки в ИВЦ, сотрудник, у которого установлен такой пульт, набирает номер ИВЦ..., и его пульт подсоединяется к ЭВМ. Печата на машинке тот или иной запрос, он получает ответ от машины на телевизионном экране: это может быть текст документа, различного рода справки..., или, наконец, ответ, полученный в результате решения ЭВМ той или иной сложной задачи расчетного характера. Существуют экранные дисплеи, которые при нажатии специальной кнопки практически мгновенно изготавливают ксерографическую (бумажную) копию документа... Каждое такое копирование, равно как и каждый вызов документа на экран автоматически регистрируется ЭВМ, которая таким образом ведет точный учет количества изготовленных копий каждого документа»⁹. Очевидно, что участники здесь не общаются – они черпают информацию из некоего общего ресурса, который постоянно пополняется, но при этом сохраняет четкую и прозрачную структуру.

В.М. Глушков хорошо понимал, что предлагает не только технологическую, но и управленческую революцию, однако революция эта мыслилась им как всеобщее упорядочивание функций, осуществляемое из единого центра. В результате за стройным образом пирамиды взаимодействующих вычислительных центров вставал образ совсем других пирамид. Зазор между утопическими ожиданиями и позитивным содержанием воспроизводился постоянно, и усиленные попытки закрыть его путем тотального «АСУчивания» (как ядовито стали называть построение сети автоматических управленческих систем к семидесятым годам) только подтверждали его неустрашимость.

Характерно, что В.М. Глушков искренне считал недостатком «сетей ЭВМ в капиталистических странах» то, что они «относительно просты по структуре и слабо увязаны с контурами социального

управления» и постоянно подчеркивал, что «наши сети, объединяемые в ОГАС, создаются целевым порядком, для решения определенных задач планового управления»¹⁰. Иными словами, утопическое пространство, в котором разворачивалась идея ОГАС, делало в принципе невозможным высвобождение коммуникативного потенциала такой системы. Советский Интернет не получился не потому, что для этого не было технических возможностей. Его заблокировало то утопическое пространство, в котором он должен был разворачиваться.

1. Стругацкий А., Стругацкий Б. Понедельник начинается в субботу // Собрание сочинений? В 11 т. Т. 3. С. 429.

2. Сам термин «Electrical Sublime» - был предложен Л.Марксом в 1964 году. Английское слово «sublime» имеет отчетливо выраженный религиозный оттенок, который утрачивается в русском переводе, поэтому в принципе можно было бы говорить о «Божественном Электричестве».

3. Warner M. The Letters of the Republic: Publications and the Public Sphere in Eighteenth-Century America. Cambridge, Mass., 1990. P. 8.

4. См.: Sconce J. Haunted Media: Electronic Presence from Telegraphy to Television. Durham, L., 2000.

5. Ср.: «Мы творим мир, в который могут войти все без привилегий и дискриминации, независимо от цвета кожи, экономической или военной мощи и места рождения... Мы должны провозгласить свободу наших виртуальных «я» от вашего владычества, даже если мы и согласны с тем, что вы продолжаете властвовать над нашими телами. Мы распространим наши «я» по всей планете так, что никто не сможет арестовать наши мысли» (Барлоу Дж. П. Декларация независимости Киберпространства // <http://www.zhurnal.ru/1/deklare.htm>).

6. Ревич Ю. Социализм с кибернетическим лицом. «Русский журнал», 14.10.2003 // <http://www.kinnet.ru/cter-ra/514/29974.html>

7. Жижек С. Заметки о сталинской модернизации // Художественный журнал. № 36. 2001.

8. Глушков В.М. Социально-экономическое управление в эпоху научно-технической революции. Киев, 1979. С. 49.

9. Глушков В.М., Добров Г.М., Терещенко В.И. Беседы об управлении. М., 1974. С. 155.

10. Глушков В.М. Для всей страны. «Правда», 13.12.1981.